

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС НОВОЙ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ¹

А. Е. Шаститко

Продемонстрированы возможности и ограничения трактовки новой институциональной экономической теории как исследовательской программы на основе описания дисциплинарной области в терминах исследовательских программ, а не парадигмального подхода к объяснению развития научного знания. Обозначены общие черты исследований, которые можно было бы объединить под названием «новая институциональная экономическая теория» в отличие от других исследовательских программ (в частности, неоклассической, неоавстрийской и традиционной институциональной). Выявлены различия в исследовательских подходах в рамках новой институциональной экономической теории и оценена их значимость с точки зрения возможностей квалификации новой институциональной экономической теории как «нормальной исследовательской программы».

¹ Данная статья основана на более ранних публикациях, посвященных вопросу о методологическом статусе новой институциональной экономической теории [23, 15, с. 59-75].

Введение

В числе самых заметных явлений в эволюции экономической науки за последние 70–80 лет — развитие новой институциональной экономической теории (НИЭТ). Отдельные работы, некоторые из которых сначала были привычными неоклассическими моделями, а другие — мало чем отличались от них, сформировали лицо данного направления в экономических исследованиях, сделали его настолько масштабным и влиятельным, что возник вопрос не только о месте НИЭТ в структуре экономического знания, но и о том, не является ли НИЭТ новым мейнстримом.

Экономическая теория — сфера знания, в которой сосуществуют разные (конкурирующие) исследовательские программы, а не последовательно сменяющие друг друга парадигмы, даже если они в целом по своим характеристикам соответствуют аналитическому определению предмета экономической теории¹, которое в XX в. стало доминирующим. Один из первых вариантов такого определения дал Лайонел Роббинс на основе детальной и систематической ревизии предшествующего подхода [13, 35]. Это определение можно свести к следующей формулировке: экономика — это наука, которая изучает поведение человека с точки зрения отношений между его целями и ограниченными средствами, допускающими альтернативное использование.

Комментируя предложенную Роббинсом формулировку определения предмета экономической теории, Рональд Коуз указал на то, что большинство экономистов, включая и самого автора данного определения, ограничивали свои исследования гораздо более узким кругом разновидностей выбора, чем предполагало это определение [5, с. 4], что, строго говоря, является основанием постановки фундаментального для методологии экономической теории вопроса о соотношении ее границ с учетом принятого определения предмета (а также возможных интерпретаций его содержания) и множества подходов к исследованию экономических явлений в рамках данных границ. Другой вопрос, связанный с первым, — соотношение междисциплинарного дискурса со взаимодействием различных исследовательских программ в рамках дисциплинарной области.

Тезис о параллельном развитии конкурирующих исследовательских программ в рамках

одной дисциплинарной области небесспорен, поскольку вопрос о границах самой экономической теории открыт, и есть основания для существования точки зрения, согласно которой все, что не вписывается в какой-либо канон (доминирующий или нет) постановки и решения теоретических вопросов, не может считаться экономической теорией.

Представленная статья основана на расширительном подходе к определению границ экономической теории как дисциплинарной области социальных исследований и как сферы развития научного знания. Данный подход допускает возможность сосуществования преимущественно конкурирующих (а не только взаимодополняющих²) программ. Конкуренция программ проявляется прежде всего, в предложении различных (главным образом альтернативных) объяснений одних и тех же явлений (например вертикальной интеграции, вертикальных ограничивающих контрактов, неполных контрактов, системы бонусов и скидок в розничной торговле и т. п.), а также — в более общем плане — объяснения механизмов и результатов взаимодействия между участниками экономических обменов в терминах их координационных и распределительных аспектов.

Цель статьи — показать возможности и ограничения трактовки новой институциональной экономической теории как исследовательской программы.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач:

- описание дисциплинарной области в терминах исследовательских программ в отличие от парадигмального подхода к объяснению развития научного знания;

- идентификация общих черт исследований, которые можно было бы объединить под названием «новая институциональная экономическая теория» в отличие от других исследо-

¹ Более подробно о различиях классификаторского и аналитического вариантов определения предмета экономической теории см. [14].

² Взаимодополняемость программ возникает и воспроизводится там и тогда, когда разные классы явлений исследуются различными наборами инструментов. До появления такого феномена, как «экономический империализм», были основания считать, что различные дисциплинарные области (если в порядке приближения рассматривать их как исследовательские программы) социальных исследований занимаются пусть и связанными, но все же разными группами вопросов. Однако экономические исследования на основе аналитического определения предмета экономической теории, к числу которых принадлежит определение Роббинса, в отличие от классификаторского, позволили распространить экономический анализ далеко за пределы привычных рамок, охватив вопросы преступления и наказания, семьи и брака, войны и мира, принятия политических решений и т. д.

вательских программ (в частности, неоклассической (НКТ), неоавстрийской (НАТ) и традиционной институциональной (ТИ));

— выявление различий в исследовательских подходах в рамках НИЭТ и оценка их значимости с точки зрения возможностей квалификации НИЭТ как «нормальной исследовательской программы».

На первый взгляд, рассматриваемые в статье вопросы не имеют практического применения. Однако это не так, поскольку представленный подход позволяет структурировать саму сферу экономического знания и знания об обществе вообще. А такое структурирование позволяет формировать презумпции относительно ограниченных возможностей — предсказывающих и объясняющих — различных концепций, выявлять их сравнительные преимущества и слабые места и создавать фундамент для поступательного развития знания в сфере наук об обществе. И, наконец, объяснить значительные различия в части политических рекомендаций. Самый очевидный пример — рекомендации по вопросам защиты конкуренции.

Рамки данной статьи не предусматривают обсуждение вопроса о сравнительных преимуществах различных подходов в методологии науки, используемых для объяснения эволюции научного знания. Основное внимание будет уделено применению концепции исследовательских программ Имре Лакатоса для прояснения статуса НИЭТ в структуре научного экономического знания¹.

1. Дисциплинарная область в контексте различий исследовательских программ и парадигм

Основная идея данного раздела состоит в том, что дисциплинарная область социальных исследований — ее состояние, направления и механизмы развития — характеризуется сосуществованием различных исследовательских программ, которые могут быть также представлены как дискретные структурные альтернативы эволюции научного знания в данной дисциплинарной области. Элементы такого подхода были применены в [24] в связи с изложением различий между НКТ, ТИ, НАТ и НИЭТ. Автор осознает относительность и, возможно, несоответствие конвенциональным положениям,

¹ За пределами данной статьи остается обсуждение вопросов квалификации НИЭТ как феномена в связи с концепциями таких известных методологов науки как Карл Поппер, Норвуд Хансон, Пол Фейерабенд, Стивен Тулмин.

связанные с предложенным разграничением исследовательских программ².

В каждой дисциплинарной области, в том числе в области экономической теории, практически всегда существует проблема консенсуса и диссенсуса³ в трех основных измерениях:

1) для отдельного исследователя в части соотношения (а) мировоззренческих и создаваемых и применяемых для исследований рабочих моделей⁴, (б) несогласованности различных элементов разработанных им концепций и (или) применяемых подходов (не только в связи с эволюцией взглядов и исследуемых вопросов⁵, но в том числе по причине влияния внешних — по отношению к исследователю — интересов);

2) между отдельными исследователями, применяющими в основном один и тот же категориальный аппарат и следующими общим правилам (и целям) проведения исследований⁶;

3) между отдельными группами исследователей, каждая из которых объединена общими правилами исследований и некоторым набором общих постулатов, аксиом, общих теорий (концепций).

Для дальнейшего обсуждения поставленных вопросов наибольший интерес представляет третье измерение.

В некоторых дисциплинарных областях диссенсус более распространен и устойчив, в других — несколько меньше. К первой группе, безусловно, относится психология. Возможно, это связано с существенно более узкими грани-

² В частности, судя по контексту, некоторые исследователи считают представителей австрийского направления в экономической теории как подмножества новых институционалистов [31, р. 69]. Однако в другой работе [21] на примере комплекса вопросов о конкуренции и конкурентной политике показано, что это не так.

³ Данные понятия употребляются как способ применения подхода, предложенного в свое время Максом Вебером — «идеально чистые типы» — поскольку в действительности ни полного консенсуса, ни абсолютного диссенсуса, как правило, не существует.

⁴ О различиях философских (мировоззренческих) и рабочих моделях человека в экономической теории см. [2; 22, с. 25].

⁵ В качестве примера см. далее подход к определению институтов Дугласа Норта с соавторами в работе, посвященной исследованию социальных порядков и насилия в истории.

⁶ Именно второй тип различий и разногласий является наиболее удобным основанием для сопоставления результатов исследований и выявления лидеров исследовательского направления.

цами возможностей применения таких «усредняющих конструкций», как репрезентативный субъект, широко представленных в основных микроэкономических моделях (фирма в условиях конкуренции, потребитель, работник на рынке труда). Оказаться во второй группе дисциплин наибольшее количество шансов — у экономической теории¹. Это связано с тем, что если в психологии сама постановка о доминирующем, главном направлении дисциплинарной области вызывает большие сомнения, то применительно к экономической теории факт доминирования как минимум в течение нескольких десятилетий одной — неоклассической — исследовательской программы можно считать установленным. Ключевые характеристики данной программы являются микроэкономическими, если использовать принцип (не всегда оправданный) разграничения теорий и моделей на макроэкономические и микроэкономические. Однако именно потому, что указанные принципы могут быть транслированы на уровень макроэкономического анализа, что в явном виде произошло в последней трети XX в., когда популярной была тема о микроэкономических основаниях макроэкономики, лишней раз демонстрирует обоснованность таких предположений. Вот почему для получения общих представлений о доминирующей исследовательской программе достаточно ознакомиться с наиболее распространенными учебниками по микроэкономической теории².

Именно доминирование одного исследовательского подхода создает сильное искушение отождествить границы дисциплинарной области с границами данного подхода. Это искушение имеет и обратную сторону: те исследователи, работа которых не соответствует заданному формату, выпадают за пределы дисциплинарной области, а их исследования в

лучшем случае претендуют на квалификацию междисциплинарных.

Консенсус среди исследователей по правилам построения гипотез и их проверке на основе общих постулатов, или аксиом, фактически означает существование парадигмы для соответствующей дисциплинарной области³. В то же время возможно сосуществование различных исследовательских программ, пусть даже разновеликих по количеству исследователей и масштабам влияния на принимаемые за пределами научных исследований решения (иногда это состояние трактуется как многопарадигмальность [10, с. 32]), означает диссенсус.

Вместе с тем динамический анализ развития исследований в той или иной дисциплинарной области требует объяснения не только возникновения консенсуса из диссенсуса, но и, наоборот, формирования диссенсуса из (вместо) консенсуса. В терминах концепции Куна фактически речь идет об объяснении смены кризисных периодов, периодов напряжения периодами нормальной науки. Иными словами, возникает цепочка, которая может быть разложена на несколько составляющих: $K1 - D1 - K2 - D2...$

Упрощенный анализ развития знания в рамках соответствующей дисциплинарной области может происходить по схеме $K1 - K2$. В этом случае можно абстрагироваться от анализа процессов возникновения и распространения диссенсуса в рамках или вне соответствующей парадигмы для той или иной дисциплинарной области. В частности, не принимать во внимание и не объяснять внутренние и внешние — по отношению к данной парадигме — факторы их соотношения. Такой подход вполне возможен и даже вполне укладывается в аналогию методу сравнительной статистики, применяемому в рамках неоклассической теории для изучения множества последовательно возникающих состояний равновесия.

Предметом анализа в предложенном выше условном примере являются:

1) два (и более) разных (то есть не редуцируемых один в другой в качестве частного случая⁴) образца решения исследовательских задач;

¹ В задачи данной статьи не входит исследование вопроса о том, каким образом можно ранжировать различные дисциплины, изучающие поведение человека, по степени удаленности от консенсуса и разнообразию применяемых исследовательских подходов. Возможно, получение каких-либо систематических знаний по данному вопросу позволило бы пролить свет на свойства того или иного внутридисциплинарного дискурса и особенности механизмов формирования теорий на стыках дисциплин (как, например, в случае с поведенческой экономикой, в которой тесно переплетены экономические и психологические концепции).

² Безусловно, сами учебники по микроэкономике довольно сильно различаются. Причем не только ретроспективно, но в и каждый данный момент. Вот почему скорее речь идет о некотором ядре в каждом из учебников. См., например [32, 36, 37].

³ Вполне возможно существование ложного консенсуса, когда формально принимаемые правила и теории на деле служат исследователям лишь способом защиты для разработки подхода, альтернативного доминирующему.

⁴ Данный аспект особенно важен для обсуждения соотношения неоклассической, неинституциональной и новой институциональной экономической теории, с одной стороны, и таких частных (но важных) вопросов, как полная и

2) теория, или модель, которая лежит в основе остальных исследований¹.

В то же время аналогичная схема развития дисциплинарной области как особой сферы научного знания может быть представлена в качестве цепочки диссенсусов (Д1 — Д2). Данный вариант больше напоминает подход к динамике науки, предложенной И. Лакатосом [7]. Предлагаемый вариант означает, что появление и сосуществование альтернативных способов теоретизирования не означает полной утраты влияния существовавших до этого направлений исследований. Иными словами, развитие альтернативных способов объяснения (предсказания), позволяющих, с одной стороны, как минимум не хуже существующего варианта объяснять и предсказывать явления и события в рамках уже известных вопросов, а также ставить новые вопросы и предлагать на них ответы.

Однако особенность данного подхода состоит в том, что существование диссенсусов (а) устойчиво во времени и (б) охватывает множество системообразующих, а не частных вопросов. Результатами появления структурных альтернатив в исследовании того же множества социальных явлений применительно к развитию экономической теории могут быть:

1) корректировка исследовательских подходов посредством использования гипотез к случаю (в том числе посредством принятия допущений о ненулевых транзакционных издержках, ограниченной рациональности);

2) перераспределение внимания исследователей между отдельными аспектами функционирования и развития экономической системы (например, смещение акцентов анализа взаимодействия фирм на одном рынке к вертикальным соглашениям вдоль технологической цепочки);

3) выявление новых аспектов функционирования и развития экономической системы взаимодействия участников экономических обменов или принятия индивидуальных решений (в частности, смещение интереса с объяснения формирования рыночной цены к выявлению границ между различными институциональными устройствами и пределами роста

ограниченная рациональность, с другой стороны.

¹ В соответствии с подходом Куна, парадигма (а в последствии — «дисциплинарная матрица») — научная теория, воплощенная в системе понятий, выражающих существенные черты действительности, а также общепризнанные научные достижения, представляющие научному сообществу модель постановки проблем и их решения в рамках определенного исторического периода [6, 14, с. 19].

экономической фирмы, построенной на принципе иерархии как механизме управления транзакциями).

В свою очередь, возникновение консенсуса может быть объяснено разными способами.

Во-первых, в результате синтеза, осуществляемого посредством обмена идеями, побочным результатом которого может оказаться общее понимание содержания ключевых концепций и правил их применения. Однако данный вариант должен предполагать сопоставимость исследовательских программ. Неотъемлемым элементом сопоставления является наличие «общей системы координат», признаваемой представителями конкурирующих программ. Эта система координат может относиться как к сопоставлению результатов исследований, так и к процедурам их проведения. Одна из форм такого взаимодействия может происходить по схеме «превращение случаев, которые ранее считались общими, в частные». Один из примеров — это объяснение, какими характеристиками должны обладать транзакции (по Уильямсону), чтобы именно механизм цен обеспечивал минимальные транзакционные издержки в рамках механизма дифференцированного закрепления транзакций за механизмами управления ими.

Во-вторых, в результате исчезновения конкурирующих исследовательских программ по разным причинам (отсутствие притока молодых исследователей, недостаточность финансирования или иных видов ресурсов, идеологические ограничения и т. д.). Данный пункт важен потому, что указывает на ограниченность возможностей рассмотрения вопроса о конкуренции исследовательских программ вне контекста отношений, непосредственно не связанных с проведением собственно исследований. Это вопросы и сравнительных масштабов финансирования, и наличия накопленных личных связей (включая такую составляющую как административный ресурс). Безусловно, в данном аспекте особое значение имеет пространственное измерение: если возникновение консенсуса по крайней мере на уровне верифицируемых концепций, на локальном уровне не только представимо, но, как показывает опыт, вполне реализуемо, то в большем широком — глобальном — контексте это вопрос обсуждаем скорее сослагательно.

Проблема возникновения консенсуса (Д1 — К2) может быть представлена так: каким образом возникает однообразие (конвенция) в правилах исследования, формулировании гипотез, их проверке, если критика другой программы

идет исходя из правил, сформулированных в рамках данной программы. В этом — одна из проблем сопоставимости. В числе важных условий обеспечения сопоставимости теорий — наличие метатеории, причем метатеории, значимость которой, как было отмечено выше, была признана работающими в разных программах исследователями. В данном случае важным может оказаться не вообще различие в правилах проведения исследований и базовых теорий (концепций), а критические различия, которые сами по себе представляют проблему с точки зрения идентификации. Например, различия в инструментальности и функциональности рациональности лица, принимающего решения и являющегося объектом исследования, скорее всего, можно считать критическими с точки зрения правил проведения исследований¹. Другой вариант — использование допущений о специфичности активов, а не различное отношение к риску для объяснения различных форм экономической организации. А вот способ определения рациональности как ограниченной влияет на установление принадлежности к той или иной структурной альтернативе экономических исследований, или это зависит еще и от других обстоятельств?

Возможно, на уровне метатеории предпосылка для возникновения консенсуса будет больше. Однако платой за консенсус с высокой вероятностью будет более низкий уровень операциональности данной метатеории (в том числе использование так называемых «бланкетных концепций (понятий)», которые допускают значительные вариации в содержании в зависимости от особенностей того или иного исследования). Но является ли операциональность той ценностью, ради которой следует жертвовать всегда и в любой степени реалистичностью?

В одной из работ Полтерович [11] отметил, что в экономической науке не происходит накопления фундаментальных эмпирических закономерностей (чего нельзя сказать о естественных науках), что является одним из проявлений ее — экономической науки — кризиса. Отсутствие накопления фундаментальных эмпирических закономерностей приводит к довольно устойчивому воспроизводству цепочки диссенсусов в рамках одной и той же дисциплинарной области, которая может быть интерпретирована как параллельное развитие различных исследовательских программ.

¹ Более подробно о различиях в функциональной и инструментальной рациональности см. [22, с. 16-17].

Однако можно ли говорить о преодолении кризиса экономической науки или кризис — на самом деле ее нормальное состояние именно потому, что существуют разные варианты объяснения одних и тех же социальных явлений, разные варианты описания и предсказания?

Как известно, каждая исследовательская программа, по Лакатосу, включает в себя жесткое ядро и защитный пояс. Каждый компонент исследовательской программы выполняет свою функциональную нагрузку. Если защитный пояс состоит из элементов, которые напрямую сопрягаются с элементами защитного пояса других исследовательских программ и могут подвергаться рекомбинированию (в частности, это имеет отношение к феномену «обволакивания», отмеченному Автономовым [2; 22, с. 131] применительно к реакции неоклассической исследовательской программы в ответ на критику модели принятия индивидуальных решений со стороны представителей альтернативных — неортодоксальных — подходов), то жесткое ядро одной исследовательской программы прямо, как правило, не сталкивается в позитивных исследованиях с ядром другой программы, если только предметом исследования не является собственно взаимодействие исследовательских программ.

По идее конкуренция исследовательских программ должна быть «замкнута» на эмпирическую проверку, экспериментальное подтверждение (опровержение) предсказаний или объяснений (которые можно считать также предсказаниями задним числом). Однако результаты экспериментов могут быть разными и вес у них может быть также разным. Отсюда совершенно правомерен заданный Лакатосом вопрос о «решающем эксперименте» и, соответственно, признании его таковым стейкхолдерами исследовательского процесса — самими исследователями, а также пользователями результатов прикладных исследований как в сфере бизнеса, так и экономической политики.

Вычленение специфических черт исследовательской программы в рамках экономической теории, к которой есть основания отнести и НИЭТ, требует обсуждения ряда вопросов:

— возможность модификации исследовательской программы во времени (с учетом ее глубины, но без потери *differentia specifica*), включая такую известную методологическую проблему как «гибридная модель» [24, с. 759-760]²;

² Отметим, что одним из важных свойств гибридной модели является совмещение предпосылок о полной и ограниченной рациональности, о нулевых и положительных

— возможности выделения в рамках одной исследовательской программы разных исследовательских подпрограмм по аналогичному принципу (свое жесткое ядро и защитный пояс) или в других вариантах (частично перекрывающиеся компоненты жесткого ядра НИЭТ с различающимися элементами защитного пояса и т. п.), а в качестве более радикальной альтернативы — отказ от рассмотрения ее как исследовательской программы в полном смысле этого слова, а использование данной аббревиатуры больше из соображений удобства объединения исследовательских традиций по «конфедеративному принципу», не пользуясь характеристиками жесткой иерархии в структуре дисциплинарной области «экономика»;

— выделение категориального каркаса и основополагающих допущений, отражающего, в первую очередь, компоненты жесткого ядра исследовательской программы.

2. Свойства НИЭТ как исследовательской программы

Если 30–40 лет назад вопрос о НИЭТ как исследовательской программе уже мог быть поставлен, то ответ на него дать было довольно сложно ввиду недостаточного багажа знаний, накопленных в результате развития и применения инструментария НИЭТ. Фактически такому положению вещей соответствовали ретроспективные оценки Козуом значения тех идей, которые были опубликованы в двух основных статьях — «Природа фирмы» и «Проблема социальных издержек». Как отмечал сам Коуз, первую из упомянутых работ часто цитировали, но мало использовали [5, с. 58]. Но в 70-х гг. XX в. наступил перелом, который позволил в конце 80-х — начале 90-х гг. начать обсуждение вопросов о методологическом статусе НИЭТ. Именно в это время появляются масштабные работы, наиболее известными из которых стали обзоры Эггертссона [26], Фуруботна и Рихтера [19]¹

2.1. Характеристики НИЭТ

Описание НИЭТ в качестве особой исследовательской программы в рамках дисциплинарной области «экономическая теория», как представляется, опирается на следующие системообразующие положения, которые в несколько ином виде были также обозначены в других работах [24, 33, 40].

транзакционных издержках, в зависимости от того, какое измерение в экономическом обмене является предметом исследования.

¹ Первые издания работ указанных авторов вышли, соответственно, в 1990 и 1997 гг.

Во-первых, институты имеют значение с точки зрения эффективности размещения ресурсов и с точки зрения устойчивости экономического развития. В свою очередь, результаты экономических обменов, выраженные в терминах эффективности, экономического развития влияют на состояние институтов и направления институциональных изменений.

Во-вторых, взаимосвязь между институтами и экономическим развитием видна непосредственно через транзакционные издержки, а опосредованно также через технологии и трансформационные издержки. Эта идея может быть также представлена в виде расширения цепочки Смита на основе разработок Дугласа Норта: «богатство (общественное благосостояние) — производительность труда (факторов производства) — общественное разделение труда (специализация) — границы рынков — транзакционные издержки — институты».

В-третьих, институты имеют значение не сами по себе, а в связи с их влиянием на (и зависимостью от) действия лиц, принимающих экономические решения (функционал ограничения в ситуации индивидуального выбора). Такой методологический статус институтов в исследованиях позволяет показать, что в определении института и транзакции как единицы анализа нет противоречия, которое, на первый взгляд, кажется существующим².

В-четвертых, все общественные явления рассматриваются на основе действий отдельных людей (презумпция методологического индивидуализма как минимум — в соответствии с подходом, разработанным одним из основоположников НАТ — Людвигом фон Мизесом [8]). Это не означает, что исследователи, работающие с инструментарием НИЭТ, приверженцы «робинзонад», так как они не останавливаются в своих умозаключениях на вопросах индивидуального выбора, а рассматривают их в контексте взаимодействия с другими людьми.

В-пятых, все вопросы взаимодействия между людьми представлены в терминах контрактных отношений, которые являются аналогом общественно определенных действий (общественно определенных индивидов) по Марксу. Причем отношения рассматриваются как контрактные даже тогда, когда не существует не только юридически обязывающих соглашений, но даже тогда, когда сами участники

² См. также о вариантах интерпретации соотношения транзакций и институтов [16, с.19; 31, р. 64, 70]

отношений не рассматривают их как договорные.

В-шестых, разные институты могут использоваться в одинаковых, при прочих равных, условиях выбора (индивидуального или коллективного) с различными результатами (с точки зрения суммарного выигрыша и его распределения между заинтересованными сторонами). Данное обстоятельство является основанием для сравнительного анализа данных институтов как дискретных структурных альтернатив. В теории прав собственности — способы интернализации внешних эффектов, в теории трансакционных издержек — различные механизмы управления трансакциями, в теории управления поведением исполнителя — разновидности стимулирующие контрактов и механизмов сигнализирования о существенных для неинформированной стороны характеристиках исполнителей.

2.2. НИЭТ в свете других исследовательских программ

Различия исследовательских программ в рамках экономической теории продемонстрированы не только в других работах автора [24, 25], но также и применительно к исследованию более узких — теоретических и прикладных — вопросов конкуренции и конкурентной политики [21]. Вот почему далее кратко излагается наиболее существенная часть аргументации применительно к решению поставленных во введении задач.

Современный ТИ рассматривает институты как системообразующий элемент любой объясняющей конструкции. В этом плане вроде бы нет особых различий с НИЭТ. Однако на уровне рабочего определения институтов становится понятно, что это не так, поскольку в рамках НИЭТ принципиально важной является пара «правила — механизмы, обеспечивающие соблюдение установленных правил» в контексте логики индивидуального выбора. В свою очередь, ТИ рассматривает институты вне обязательного соблюдения принципа методологического индивидуализма и контрактного подхода к объяснению проблем взаимодействия между людьми. Соответственно, дискретные структурные альтернативы, которые как способ позитивного исследования в ключе НИЭТ инвариантны по отношению к особенностям различных исследовательских традиций в рамках НИЭТ, в рамках ТИ не являются обязательными, а в рамках НКТ¹ (признак — рас-

смотрение фирмы в терминах производственной функции) вообще оказываются неприменимыми (отсутствует вопрос о выборе между фирмой и рынком как механизмами координации, не говоря уже о гибридных формах институциональных).

В отличие от НАТ, описание которой можно найти в работах конца XX в.², в рамках НИЭТ отсутствует *ex ante* общий и однозначный ответ на вопрос о сравнительной эффективности различных механизмов координации действий экономических агентов безотносительно обстоятельств места и времени (влияющих на издержки и выгоды участников экономических обменов). Соответственно, в рамках НАТ не ставилась задача разработать и применить специальный инструментарий для сравнительного анализа дискретных структурных альтернатив. В этой связи весьма показательна оценка Уильямсона [17, с. 166]: «При том, что исследование контрактного процесса на протяжении длительного времени было объектом научных интересов экономистов австрийской школы... зачастую оно проводилось на весьма абстрактном уровне. Экономическая теория трансакционных издержек настаивает на том, что характеристики организации, отражающие процесс контрактации, должны изучаться в контексте конкретных контрактных отношений».

В отличие от НКТ с ее принципом инструментальной рациональности в НИЭТ институты не определяются *ad hoc*, так же как и сравнение альтернатив не происходит *ad hoc*, а трансакционные издержки, как правило, представлены в явной форме, а не имплицитно (как это, например, имеет место в модели совершенной конкуренции³).

Рамки статьи не дают возможности в полной мере показать, что обозначенные варианты разграничения, хотя и позволяют ориентироваться в особенностях исследовательских подходов, не могут считаться абсолютными.

Так, например, НИЭТ — понятие, введенное в оборот Оливером Уильямсоном, — иногда используют наряду с термином «неоинституциональная экономическая теория» [12, с. 13]⁴. Тому есть основание в истории формирования

различных теорий. Согласно этому эффекту, в рамках неоклассической теории последовательно появляются модели, учитывающие те аномалии, которые были выявлены и предъявлены в качестве критики существовавших ранее неоклассических концепций и моделей.

² См., например [27, 38]

³ Более подробно о т.н. «проблеме инвариантности» см. [24].

⁴ Данный вопрос обсуждался в работе [26, с. 19-20].

¹ Без учета эффекта обволакивания. Напомним, что данный эффект был подмечен Автономовым в связи с исследованием моделей человека (принятия решений) в рамках

НИЭТ, когда широкое распространение получили неоклассические модели с ослабленными предпосылками или примененные к обсуждению новых вопросов (например, модели свободного доступа). В свою очередь, и в современных концепциях можно обнаружить если и не континуум, то множество теорий, которые в разной степени отклоняются от фундаментальных постулатов неоклассической теории (например, в позитивной и нормативной теории управления поведением исполнителя, новой экономической теории прав собственности).

Второй пример касается основополагающего для НИЭТ и ТИ понятия «институт». Согласно подходу, предложенному в одной из последних работ Норта, Уоллиса и Вайнгаста, в состав институтов предлагалось включать: (1) формальные правила, писанные законы, формальные социальные соглашения (2) неформальные нормы поведения (3) разделяемые убеждения о мире; (4) средства принуждения к исполнению правил и норм [9, с. 59]. Вместе с тем в той же работе предполагается, что институты включают: формальные правила, писанные законы, формальные социальные конвенции и неформальные нормы поведения; средства, с помощью которых правила и нормы получают свою практическую реализацию [9, с. 429]. Таким образом, в одной и той же работе исследователей, которые претендуют роль классиков¹ для своего направления, можно обнаружить фундаментальные различия, которые в то же время указывают на связи с ТИ². Отсутствие устойчивых конвенций по поводу рабочего определения одного из ключевых понятий фиксировалось и российскими исследователями [12, с. 10-20; 24, с. 106-114] в том числе в контексте вопроса о соотношении различных исследовательских программ.

2.3. Сравнительные преимущества НИЭТ

Появление и развитие новой исследовательской программы может быть рационально объяснено (если только это не попытка удовлетворить амбиции одного человека) тем, что она обладает если и не абсолютными, то по крайней мере сравнительными преимуществами относительно уже существующих способов исследования известных явлений (вопросов) или исследования класса явлений (вопросов), которые ранее по тем или иным причинам оставались неисследованными. К их числу следует от-

нести объяснение того, каким образом институты влияют на поведение человека, результаты экономических обменов, а также каким образом происходят сами институциональные изменения.

Не претендуя на систематическое изложение данного вопроса, можно обозначить основную сферу проявления данных преимуществ НИЭТ — сравнительный анализ дискретных структурных альтернатив в соответствии с принципом слабого отбора, то есть сопоставление результатов применения только реально доступных, осуществимых структурных альтернатив³.

Именно такой подход, применение которого фактически можно обнаружить в практике оценок регулирующего воздействия⁴, позволяет избежать множества ошибок и заблуждений «экономической теории классной доски», требующей незаурядных интеллектуальных способностей и используемой для обучения экономистов, все же уводит в ложном направлении в делах экономической политики [5, с. 21].

Именно в рамках НИЭТ нашла отражение крайне важная для объяснения перспективности той или иной исследовательской программы комбинация условий (1) операциональный концептуальный каркас, (2) привязка к практическим вопросам принятия экономических решений, (3) эмпирические исследования. В этой связи можно объяснить оценки ТИ как направления, которое в терминах методологии науки и может быть квалифицировано как исследовательская программа, тем не менее испытывает значительные сложности с развитием конкурирующей исследовательской повестки дня и опирается в основном на обсуждение методологических противоречий, так что их исследования ни к чему не приводят [29]. Отсутствие операциональных концепций, по мнению Коуза, является объяснением, почему экономисты, исследующие объекты, с которыми ранее работали представители других дисциплин, предсказуемо теряют свои преимущества: конкуренты экономистов из этих дисциплин вполне могут знать гораздо больше о предмете [28, р. 210] и, соответственно, избегать ошибок, обусловленных незнанием каких-то существенных деталей.

Вместе с тем некоторые представители НИЭТ, в частности Уильямсон, признают роль своих предшественников, работавших в ру-

¹ Вопрос о квалификации работ и исследователей как классических разобран в [1, с. 102-120].

² О подходах к определению институтов в традиционного институционализма см [31, р. 64; 34].

³ Более подробно см. в статье [20].

⁴ Об оценках регулирующего воздействия см. [3, 24].

сле традиционного институционализма в разработке важных для НИЭТ концепций, в числе которых концепция трансакции по Коммонсу¹ [18, с. 35].

Однако именно в силу различий в подходах к исследованию в рамках НИЭТ обобщенная формула сравнительных преимуществ может быть продемонстрирована только на примерах с использованием инструментария той или иной исследовательской подпрограммы.

3. Неоднородность НИЭТ

Различия в исследовательских подходах в рамках НИЭТ, несмотря на наличие общих черт, позволяет поставить вопрос: не является ли НИЭТ просто определенной философией, особым мировоззрением. В той мере, в какой новый институционализм, расширяя множество типов ситуаций выбора (согласно определению Роббинса), позволяет изменить «координатную сетку» исследований — ответ положительный.

Однако каждое из направлений исследований, отвечающих обозначенным выше свойствам, все же предполагает применение различных аналитических инструментов. Различия проявляются в том, что перечисленные выше свойства НИЭТ как исследовательской программы раскрываются по-разному и в разной мере.

1. Если в теории управления поведением исполнителя институты являются преимущественно инструментом компенсации проблемы асимметричного распределения информации (в ряде случаев с учетом различного отношения к риску принципалов и агентов), то в теории прав собственности институты сопряжены с решением вопроса интернализации внешних эффектов, а в теории трансакционных издержек (по крайней мере, исторически) роль институтов просматривается через призму вертикальной интеграции (вертикальных ограничений), а в более общем плане — в выстраивании трансакций с использованием специфических ресурсов и применением различных инструментов контрактных предосторожностей.

2. Можно обнаружить различное понимание, которое вкладывают в понятие трансакционных издержек исследователи различных направлений, различный методологический статус, подходы к классификации и способ моделирования (включая количественные харак-

теристики). В частности, для О. Уильямсона это издержки оппортунистического поведения, для М. Дженсена и У. Меклинг — издержки управления поведением исполнителя; для А. Алчиана и Х. Демсетца — издержки координации между различными ресурсами в процессе производства; для Й. Барцеля — издержки измерения [4; 12, с. 62-72; 24, с. 272-305].

3. В теории управления поведением исполнителя, теории прав собственности роль институтов объясняется через настройку стимулов действующих лиц, тогда как в теории трансакционных издержек важным дополняющим компонентом является настройка механизмов адаптации к непредвиденным обстоятельствам, которая дополняет настройку стимулов в условиях радикальной неопределенности и ограниченной рациональности. Именно в теории трансакционных издержек особое значение имеют такие характеристики институтов, как неполные контракты, частный порядок улаживания конфликтов.

4. Одни и те же явления могут быть объяснены с помощью разных инструментов, в частности, речь идет о вертикальной интеграции, которая с точки зрения одной теории может рассматриваться как структурная альтернатива интернализации внешних эффектов, а в другом случае — как способ обеспечения гарантий при использовании трансакционно специфических активов в условиях ограниченной рациональности и оппортунизма экономических агентов.

5. Некоторые теории делают акцент на так называемые имплицитные контракты (которые являются либо неформальными, либо реконструированными), другие — на контракты явные (хотя не обязательно юридически обязывающие, подлежащие в конечном счете судебной защите). В частности, теория трансакционных издержек имеет дело с явными контрактами, даже если они являются неполными. В других случаях различия связаны с различными акцентами на измерении «настройка стимулов — адаптация *ex post*» (теория управления поведением исполнителя vs. теория трансакционных издержек)².

Следует отметить, что НИЭТ никогда не обладала тем свойством однородности, которое обусловило бы тривиальность ответа на вопрос о характеристике НИЭТ как исследовательской программы. С этой точки зрения говорить о том, что изначально была еди-

¹ Подробнее о концепции Коммонса и ее отличиях от подхода к исследованию трансакций см. [22, с. 224-231; 30].

² Более подробно о соотношении теории управления поведением исполнителя и теории трансакционных издержек см., например в [39].

ная теория, изложенная, например, в работах Рональда Коуза «Природа фирмы» и «Проблема социальных издержек», а затем она распалась в процессе операционализации основных концепций — нет достаточных оснований.

Заключение

Вопрос о методологическом статусе НИЭТ — в значительной степени это и вопрос об эволюции и состоянии современной экономической теории. Вот почему представленные в статье идеи не претендуют на исчерпывающую полноту, а являются основанием для рефлексии как инструмента понимания структуры экономического знания в свете его основных функций — описания, объяснения, предсказания. Продвижение в обсуждении поставленных вопросов может потребовать также проведение библиометрического анализа, на основе которого можно было бы получить данные о распространении инструментов, ассоциированных с НИЭТ на всем поле экономических исследований. Кроме того, безусловный интерес представляет обсуждение вопросов соотношения НИЭТ с поведенческой экономикой.

Варианты квалификации НИЭТ в контексте дискурса проблем человека и общества могут быть представлены в формате базовой триады:

1. НИЭТ — «нормальная исследовательская программа» наряду с другими исследовательскими программами в рамках экономической теории, которая может быть охарактеризована с помощью множества элементов жесткого ядра и описания свойств защитного пояса, а также эволюции ее характеристик.

2. НИЭТ — обозначение, объединяющее на основе определенного набора принципов не-

сколько «нормальных исследовательских программ», объединенных по конфедеративному принципу и демонстрирующих существенные различия на уровне элементов жесткого ядра и способов формулирования и проверки гипотез (в частности, по вопросу о характеристиках рациональности субъектов, роли трансакционных издержек в объяснении и предсказании). В этом случае НИЭТ как таковая больше напоминает особую мировоззренческую позицию, которая преломляется сквозь призму особого аналитического подхода с собственным категориальным аппаратом и правилами исследования.

3. НИЭТ — обозначение для современной экономической теории (а точнее — доминирующего направления в экономической теории) с учетом более широкого понимания множества ситуаций выбора на основе принятого аналитического варианта определения предмета, или, иными словами — новый мейнстрим, что может быть связано с широким распространением категориального аппарата, многие элементы которого принято ассоциировать с НИЭТ. Ведь НИЭТ не чужды как формализация моделей, так и широкое применение эконометрических методов для проверки гипотез и выявления аномалий в существующих теориях.

Однако вне зависимости от квалификации НИЭТ обозначенные различия дают основание для постановки вопроса о способах обмена идеями, которые не только позволяли бы развиваться каждой из программ в отдельности, но и, возможно, способствовали бы появлению инструментария, частично интегрирующих различные исследовательские подходы.

Список источников

1. Авдашева С., Тутов Л., Шаститко А. Классика экономической теории и экономика классики // Классика и классики в социальном и гуманитарном знании / Отв. ред. И. М. Савельева, А. В. Полетаев. — М.: Новое литературное обозрение, 2009. — С. 102-120.
2. Автономов В. Человек в зеркале экономической теории. — М.: Наука, 1993.
3. Использование оценок регулирующего воздействия для совершенствования корпоративного законодательства. Бюро экономического анализа / Под ред. Р. А. Кокорева, А. Е. Шаститко. — М.: Теис, 2006.
4. Капелюшников Р. И. Экономическая теория прав собственности. Методология, основные понятия, круг проблем. — М.: ИМЭМО, 1990.
5. Коуз Р. Фирма, рынок и право. — М.: Дело, 1993.
6. Кун Т. Структура научных революций. — М.: Прогресс, 1977.
7. Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. — М.: Медиум, 1995.
8. Мизес Л. Человеческая деятельность. Трактат по экономической теории. — М.: Экономика, 2000.
9. Норт Д., Уоллис Д., Вайнгайт Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. — М.: Издательство Института Гайдара, 2011.
10. Полетаев А. Классика в общественных науках // Классика и классики / Отв. ред. И. М. Савельева, А. В. Полетаев. — М.: Новое литературное обозрение, 2009. — С. 11-49.
11. Полтерович В. М. Кризис экономической теории // Экономическая наука современной России. — 1998. — № 1. — С. 46-66.

12. *Попов Е. В.* Трансакции. — Екатеринбург: УрО РАН, 2011.
13. *Роббинс Л.* Предмет экономической науки // THESIS. — 1993. — Вып. 11. — №1.
14. *Тутов Л., Шаститко А.* Модели человека в институциональной экономической теории. — М.: МАКС-Пресс, 2012.
15. *Тутов Л., Шаститко А.* Предмет и метод экономической теории. М.: Теис, 1997.
16. *Уильямсон О.* Введение // Природа фирмы / Под ред. О. Уильямсона и С. Уинтера. — М.: Дело, 2001. — С. 11-32.
17. *Уильямсон О.* Логика экономической организации // Природа фирмы / Под ред. О. Уильямсона, С. Уинтера. — М.: Дело, 2001. — С. 135-174.
18. *Уильямсон О.* Экономические институты капитализма. — СПб.: Лениздат, 1996.
19. *Фуруботн Э., Рихтер Р.* Институты и экономическая теория. Достижения новой институциональной экономической теории. — СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2005.
20. *Шаститко А.* Дискретные структурные альтернативы, Методы сравнения и следствия для экономической политики // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. — 2010. — Т. 1. — Вып. 2 [электронный ресурс]. URL: <http://uisrussia.msu.ru>.
21. *Шаститко А.* Конкуренция и антимонопольная политика в неоавстрийской теории // Экономическая школа. Т.6. Конкуренция и конкурентная политика. — М.: ГУ ВШЭ, 2008. — С. 81-113.
22. *Шаститко А.* Модели человека в экономической теории. — М.: Инфра-М, 2006.
23. *Шаститко А.* Новая институциональная экономика — исследовательская программа? // Экономика и институты / Под ред. А. П. Заостровцева. — СПб.: Международный центр социально-экономических исследований «Леонтьевский центр», 2010. — С. 243-254.
24. *Шаститко А.* Новая институциональная экономическая теория: 4-е изд. — М.: Теис, 2010.
25. *Шаститко А.* Экономические воззрения Хайека в контексте соотношения неоавстрийской и неoinституциональной исследовательских программ // Истоки. Экономика в контексте истории и культуры. — М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2004. — С. 541-566.
26. *Эггертссон Т.* Институты и экономическое поведение. — М.: Дело, 2010.
27. *Caldwell B., Boehm S.* Austrian Economics. Tensions and new directions. — Boston : Kluwer Academic Pub, 1992.
28. *Coase R.* Economics and Contiguous Disciplines // Journal of Legal Studies. — 1978. — V. 7. — P. 201-211.
29. *Coase R.* The New Institutional Economics // Journal of Institutional and Theoretical Economics. — 1984. — N140. — P. 229-231.
30. *Commons J. R.* Institutional Economics // American Economic Review. — 1931. — V. 21. — P. 648-657.
31. *Hodgson G. M.* The Return of Institutional Economics // Handbook of economic sociology / Ed. by N. J. Smelser, R. Swedberg, 1994. — P. 58-76.
32. *Mas-Colell A., Whinston M. D., Green G. R.* Microeconomic Theory. — Oxford University Press, US, 1995.
33. *Menard C.* Methodological issues in the new institutional economics. // Journal of Economic Methodology. — 2001. — Vol. 8. — No 1. — P. 85-92.
34. *Neal W.* Institutions // Journal of Economic Issues. — 1987. — Vol. 21. — No 3.
35. *Robbins L.* An Essay on the nature and significance of economic science. — London: Macmillan, 1945.
36. *Schotter A.* Microeconomics. A modern Approach. — Addison-Wisley Educational Publishers Inc, 1996.
37. *Varian H.* Intermediate Microeconomics / A Modern Approach : 8th edition — W. W. Norton & Company, 2009.
38. *Vaughn K. I.* Austrian economics in America/ The migration of a tradition. — Cambridge University Press: Cambridge, 1991
39. *Williamson O.* Corporate Finance and Corporate Governance // The Journal of Finance. — 1988. — Vol. XLIII. — No 3. — P. 567-589.
40. *Williamson O. E.* Kenneth Arrow and the New Institutional Economics // Arrow and the Foundations of the Theory of Economic Policy / Ed. G. Feiwel. — New York : University Press, 1987. — P. 584-599.

УДК 303.101.8

Ключевые слова: исследовательская программа, новая институциональная экономическая теория, неоклассическая экономическая теория, традиционный институционализм, неоавстрийская экономическая теория